

МИР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 821(08)
ББК 82.3(0)я43

М.А. Мишина

О ЗНАКОВОЙ ПРИРОДЕ И СЕМИОТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУКЛЫ

Статья посвящена различным аспектам знаковой природы традиционной куклы, анализ которых выполнен на конкретных этнографических примерах. Показана семиотичность технологического процесса изготовления куклы. Сделан вывод о том, что кукла достигает своего наивысшего семиотического статуса в обряде.

Ключевые слова:

знак, знаково-информационная функция, обряд, семиотический статус, символ, традиционная кукла

В истории культуры феномену куклы принадлежит особое место, которое характеризуется вписанностью куклы в широкий культурно-исторический контекст, многообразием ее функций и наполненностью различными культурными смыслами. В настоящее время существует огромное видовое многообразие кукол, различающихся по своим функциям. Особое место здесь занимает традиционная кукла. Под этим термином мы подразумеваем антропоморфные предметы, бытовавшие в культурах традиционных обществ, выполнявшие в них магические, обрядовые и иные функции, а также куклы, выполненные современными мастерами в соответствии с региональными традициями, соблюдением конструктивных и цветовых канонов, правил и приемов изготовления. Несмотря на появившиеся за последнее десятилетие работы, посвященные исследованию места куклы в традиционной культуре России, говорить о достаточной степени изученности этого феномена преждевременно. Не исследованы функции традиционной куклы, ее знаковая природа и способность концентрировать в себе социально-культурный опыт и этнические особенности народа.

Проблема заключается в том, что, не являясь специально созданным носителем информации, традиционная кукла выполняет одну из наиболее важных функций, связанную с накоплением и передачей информации. Каким образом имеющая ценностную значимость информация существует в традиционной кукле? Здесь мы попытаемся ответить на этот вопрос и рассмотреть на конкретных примерах знаковую природу традиционной куклы, а также проанализировать различные проявления ее семиотического статуса.

Обратимся к знаковой природе традиционной куклы на примере куклы Масленицы. Находясь в центре обряда с первого дня масленичной недели, кукла информирует участников обряда не о себе собственно, а о том, что приблизилось пограничное время: зима должна смениться весной. Куклу изготавливали коллективно из ветхого, ненужного тряпья, не годных для носки вещей. На знаковом уровне любая одежда – это информационное поле, носитель информации о человеке. Одежда, «переодетая» на куклу, автоматически переносила на куклу эту информацию. Суть последней заключалась в том, что одежда устарела (выносилась, порвалась)

и подлежит уничтожению. Ветхость вещей, одетых на куклу-Масленицу, в обряде обретает и другое значение: они становятся знаками тех событий, переживаний, явлений, от которых надо избавиться. Действуя в знаковой ситуации (масленичный обряд), Масленица служит для хранения и передачи информации. Границы жизни куклы как знака ясно очерчены: она должна быть сожжена в определенный момент обряда. Форма Масленицы может видоизменяться в зависимости от местных традиций, но ее всегда можно опознать, определить как определенный знак конкретной ситуации.

Принято выделять три группы знаков: иконы, индексы и символы. «Икона есть знак, который обладал бы качеством, делающим его значимостью даже при том условии, что его объект не существует. Индекс есть знак, который немедленно потерял бы качество, делающее его знаком, с исчезновением своего объекта, но не потерял бы это качество при отсутствии Интерпретанта. Символ есть знак, который потерял бы качество, делающее его знаком при условии отсутствия Интерпретанта» [7, с. 93] В традиционных куклах, по нашему мнению, проявляются свойства всех знаковых групп.

Иконический знак и иконические отношения строятся по принципу подобия. Икона не имеет динамической связи с объектом, который она представляет, просто ее качества имеют сходство с качествами отражаемого ею объекта и вызывают адекватную реакцию, для которой она – подобие объекта. Примером проявления знака такого рода в традиционной кукле можно считать многочисленные примеры объектов-заместителей человека, ушедшего на время (или навсегда). В Вологодской области, например, этнографами зафиксированы случаи изготовления антропоморфных изображений умерших родственников. И.А. Морозов описывает обычай изготовления куклы в память об отсутствующем близком человеке или родственнике, бытующий на Русском Севере: «У поморов жены изготавливали куколочки ушедших в море мужей, и на время их отсутствия эти куклочки выполняли функции хозяина дома» [5, с. 61]. В Вашкинском районе Вологодской области «до сих пор существует обычай в случае ухода молодого человека в армию прибавать на внешний угол дома украшенную разноцветными ленточками ветку. Как и в других ситуациях, ветвь здесь изоморфна человеческому изобра-

жению: она может заменяться куклой или сочетаться с ней. В Костромской области, «отправляя парня в армию, прибавали на стену дома елочку с фигуркой рекрута. В других случаях на фасаде вывешивали куклолку с характерными атрибутами парня-рекрута» [5, с. 64]. Приведенные примеры кукол-заместителей также являются иконическими знаками, поскольку означаемое и означающее в них находятся в отношении подобия, а именно: качества знака имеют сходство с качествами объекта и вызывают аналогичные ассоциации у людей, для которых они – подобие объекта.

«Индексом называется репрезентативный характер которого состоит в его бытии индивидуальным вторым. Стук в дверь является индексом. Все, что фокусирует внимание на чем-то, представляет собой индекс. Флюгер является индексальным знаком направления ветра. Индекс имеет реальную связь со своим объектом и заставляет нас реагировать на объект» [7, с. 80–81]. Индексное (указательное) отношение предполагает наличие фактической, действительной связи между означаемым и означающим, то есть означаемое и означаемое образуют органически согласованную пару. Знаками-индексами являются традиционные куклы, стоящие в центре обрядов «проводов на тот свет», выполняющие функцию жертвы и медиатора. Они немедленно потеряли бы качество, делающее их знаками, с исчезновением своего объекта, но не потеряли бы это качество при отсутствии интерпретанта. Например, выставление антропоморфной фигуры на воротах или в красном углу, как и испеченных из теста кукол на улице перед окнами (что также известно в северо-великорусской народной традиции), – ритуальные действия одного порядка. Они являются знаковым выражением языческого ритуала проводов «на тот свет». «Ритуалы Герман – Пеперуда – Додола – похороны Костромы – тополя – куст и т.п. восходят к одному источнику: они представляют собой многообразные варианты трансформации и деградации праисторического ритуала, отправлявшегося в связи с астральными культурами и наблюдениями звездного неба. Основное действие – знаковая форма отправления посланца налицо и в Германе, и в Пеперуде, и в похоронах «кукушки» (стилизованной куклы или ветки в женском наряде). В Германе – Калояне она выражена более явственно. Антропоморфное изва-

яние пускается по воде, зарывается в землю или устанавливается в поле» [2, с. 90].

В знаке-символе означающее и означаемое могут не иметь фактической связи. «Символ соединен со своим объектом посредством идеи оперирующего символами ума, без которого таковой связи никогда не могло бы существовать. Символ не может указывать на какую-то конкретную вещь – он денотирует некоторый тип вещей. При этом он сам является не единичной вещью, но общим типом» [7, с. 87]. То есть, при отсутствии интерпретанта символ-знак теряет качество, делающее его знаком.

Примером проявления знака-символа в традиционной кукле могут служить свадебные куклы «неразлучники», бытовавшие повсеместно в России. Как правило, они выполнялись для молодоженов старшими родственниками и вручались молодым как напутствие перед венчанием или уже после церкви, во время «княжого пира». Они выполнены без использования иглолки и ножниц, что говорит об их архаичном происхождении и ритуальном назначении. При изготовлении активно используется ткань красного цвета, который, по воспоминаниям информантов, является обязательным, то есть каноничным. В данных куклах красный цвет воспринимается участниками обряда как символ красоты, счастья, любви, жертвы. Такое значение обусловлено восприятием участниками обряда, то есть наличием интерпретантов. При условии перенесения данной обрядовой куклы в иную диахроническую ситуацию, связанную с отсутствием интерпретанта, значение этого символа может оказаться непонятым. Кроме уже названных символов, в куклах-неразлучниках заключена идея единства женского и мужского начал, заложенная в конструкциях этих кукол. Куклы-неразлучники из Белёвского района Тульской области сделаны из единого куска ткани, обе фигурки последовательно скручены единой непрерывной нитью. Эту композицию пристёгивали к вышитому свадебному полотенцу и дарили молодым. Изготавливали этих кукол крестные матери жениха и невесты. Куклы долго хранились в семье, а когда появлялись дети, эти куклы превращались в игровые. После свадьбы хранили отдельно полотенце и куклы, полотенце вешали на икону, а куклы хранили в сундуке. Единый кусок ткани в данной композиции символизирует единство молодой пары. А нить, которой

выполнена вся композиция – это символ жизненного пути, который молодым предстоит пройти вместе. На невербальном уровне, языком символов молодоженом транслировалась главная мысль: отныне вы – одна плоть и кровь. Символом плодородия и будущего потомства служит в этой композиции бант (или лента), завязанный между фигурками жениха и невесты с помощью все той же единой нити.

Другой вариант кукло-неразлучников выполнен из трех одинаковых кусков ткани красного цвета. Из одного лоскута делали куклу-невесту, из второго – куклу-жениха. У кукол была единая рука, представляющая собой деревянную палочку, обтянутую красной тканью, она объединяла жениха и невесту. Посередине общей руки привязывали бумажный цветок белого цвета или завязывали бант. Косой крест, которым обозначены грудь куклы-невесты и куклы-жениха – это дополнительный символ плодородия. Интересно, что обе фигурки выполнены в абсолютно одинаковой условно-лаконичной манере и почти не отличаются друг от друга, кроме оформления ног. Ноги куклы-жениха оформлены по отдельности, а у куклы-невесты они связаны ниткой вместе. Такая деталь не случайна. Дарящие «неразлучников» родственники обозначали тем самым не только новый социальный статус каждого из супругов, но и их новое жизненное пространство в этом изменившемся социальном статусе. Мужчина – добытчик, обеспечивающий благосостояние семьи трудом вне дома (поле, лес, отхожий промысел). Жена – хозяйка в доме. Общая система символов, заключенных в «неразлучниках», позволяет рассматривать традиционную обрядовую куклу не только как предмет, обладающий знаковой природой, но и как систему символов. Действуя в знаковой ситуации, кукла выступает как маркер конкретного пространства и времени (обряд).

По мысли А.К. Байбурина, практически любая вещь обладает семиотическим статусом [1]. Разделяя явления окружающей человека действительности на «мир фактов и мир знаков» (Ю.М. Лотман) и признавая условность разделения, А.К. Байбурин отмечает, что существуют такие объекты материальной культуры, которые при вхождении в некую семиотическую систему (ритуал, этикет) становятся знаками, а при выпадении из системы – вещами. То есть, такие объекты могут быть использованы и как вещи, и как знаки. «В зависимости

от того, какие свойства актуализируются («вещность» или «знаковость»), они приобретают тот или иной семиотический статус, то есть занимают определенное место на шкале семиотичности явлений, искусственно созданных человеком. Таким образом, семиотический статус вещей отражает конкретное соотношение «знаковости» и «вещности», и соответственно – символических и утилитарных функций. Его «величина» прямо пропорциональна «знаковости» и обратно пропорциональна «вещности» [1, с. 216]. В обычной жизни человек постоянно занимается определением того, насколько значима для него та или иная вещь, то есть насколько велика ее способность символизировать нечто более важное, чем она сама. Вещи, относящиеся к материальной культуре, чаще всего расцениваются как обладающие низким семиотическим статусом, в то время как предметы, относимые к духовной культуре, наделяются высоким семиотическим статусом.

Традиционная кукла-игрушка выполняется из природных (и иных) материалов, входит обязательным элементом и необходимой вещью в реальную жизнь ребенка, опосредованно отражает материальный уровень развития общества. Но та же кукла-игрушка может и должна быть отнесена и к миру духовной культуры в силу своей антропоморфности и способности выражать духовные ценности общества, «особенности человеческого общения, философские и психологические аспекты понимания основных категорий жизни» [6, с. 118].

«Квазисемиотичность» (термин А.К. Байбурина) традиционной куклы, как предмета, занимающего промежуточное положение между «миром фактов и миром знаков» (Ю.М. Лотман), усиливается применительно к обрядовой традиционной кукле. Являясь сугубо материальным предметом, она изначально включена в ритуал, (то есть в некую семиотическую систему), в котором становится вещью с наивысшим семиотическим статусом (знаком). Например, «архаичный ритуал похорон – проводов Масленицы, которая у других славянских народов зовется Кикиморой, Маранной, в Польше – Мажаной, Маржиной – один из наиболее распространенных ритуалов в Европе, формы и способы проведения которого в разных местностях и странах могут быть разными, но идея одна: избавиться, выгнать, отправить на тот свет существо, которое является материализованным олицетворением холода, мрака, смерти»

[6, с. 104]. Совершенно очевидно, что обрядовая кукла Масленица в ритуальном захоронении приобретала наивысший семиотический статус, становясь знаком мрака, холода, смерти, зимнего периода вообще.

Семиотический статус одной и той же вещи, по мнению А.К. Байбурина, может существенно изменяться во времени и в зависимости от ситуации. Зависит он также и от позиции исследователя, который может быть значительно удален от реального функционирования вещей во времени, пространстве и культурном контексте. Это положение мы рассмотрим на примере обрядовых кукол осеннего цикла, связанных с уборкой урожая. По свидетельству этнографов, повсеместно в России бытовали куклы, выполненные из последнего сжатого снопа. Смысл поживных обрядов заключался в том, чтобы поблагодарить поле за урожай, заставить его плодоносить на будущий год, взять от поля здоровье себе и своим близким. Кукла в этих обрядах выступала знаком плодородия земли, ее плодоносящей силы, представляющей в женском облике. С изменением жизненного уклада, трансформировались и традиции, описанные в XIX веке, видоизменилась и кукла: уменьшился ее размер, но сохранилась крестообразная конструкция и солома в качестве основного материала. Самое существенное (с нашей точки зрения) – это снижение ее семиотического статуса. Из обрядовой «кумушки» и «именного снопа», предмета с наивысшим семиотическим статусом (знака плодородия), она превратилась в игровую куклу-стригушку – вещь, несущую информацию о бытовавшем ранее обряде.

Исследования семиотического статуса традиционной куклы будет неполным, если не рассмотреть то, что А.К. Байбурина называл «семантикой технологического процесса». Многие исследователи традиционной куклы отмечали, что применительно к традиционной кукле мастерицы употребляют глаголы «крутить», «вертеть» куклу, но не «шить» или «делать». Действительно, способ работы над традиционной куклой заключается в завязывании, перевязывании, кручении, скатывании, складывании, сворачивании ткани и нити, причем наиболее архаичные варианты кукол изготавливаются без применения иглы и ножниц: ткани разрываются, а не режутся. Эти действия подобны «давнему способу работы над обрядовой антропоморфной соломенной куклой (чу-

челом, болваном, идолом). Этот же способ в известной мере близок и к способу создания самых древних обрядовых божеств из глины» [6, с. 159]. Очевидно, что такие понятия, как «скручивать», «закручивать», «пеленать», «свивать», «обвязывать», «обертывать», «сворачивать» семантически связывают куклу с понятиями «сверток», «вместилище», «дитя», «младенец», а также с идеей кругового вращения и движения солнца, и, следовательно, могут быть рассмотрены как их знаки – символы. Таким образом, сами действия по изготовлению традиционной куклы также имеют определенный семиотический статус. Известно, что технологический процесс изготовления некоторых кукол сопровождался произнесением заговора, молитвы, то есть специальных текстов, призванных усилить защитные функции куклы. Произнесение текста, входящее в технологию изготовления куклы, есть дополнительное средство очищения, примечательный способ сакрализации операционного текста. Использование при создании куклы вербальных текстов, имеющих сакральную значимость, несомненно, повышает семиотичес-

кий статус как собственно процесса, так и его результата – куклы.

Подведем итог всему сказанному и сделаем выводы: традиционной кукле изначально, в силу ее антропоморфности, присущ особый семиотический статус, то есть способность становиться знаком. Благодаря своей знаковой природе традиционная кукла, не являясь специально созданным носителем информации, способна передавать информацию, то есть выполнять знаково-информационную функцию. Семиотический статус куклы может изменяться во времени, зависит от обстоятельств и от позиции исследователя. Свой высший семиотический статус традиционная кукла обретает в ритуале и в обряде, причем это является результатом соединения «материально-вещной» и «религиозно-мифологической» функций. Именно в обрядовой практике наиболее явно проявляются характерные особенности традиционной куклы как особого предмета культуры, стоящего на границе живого и неживого, человеческого и божественного, в конечном счете – на границе природы и культуры.

Список литературы

1. Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология: Сб. МАЭ. Т. XXXVII. – Л., 1981. – С. 215–226.
2. Велецкая Н.Н. Языческая символика антропоморфной ритуальной скульптуры / Культура и искусство средневекового города. – М., 1984. – С. 77–88.
3. Дайн Г., Дайн М. Русская тряпичная кукла: Культура, традиции, технология. – М.: Культура и традиции, 2007. – 120 с., ил.
4. Махлина С.Т. Семиотика культуры и искусства: Словарь-справочник в двух книгах. – 2-е изд., расшир. и испр. Кн. 1. – СПб.: Композитор, 2003. – 267 с.
5. Морозов И.А. Кукла в современном обиходе (полевое исследование эволюции статуса вещи) / Актуальные проблемы полевой фольклористики. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 53–67.
6. Найден О.С. Українська народна лялька. – Киев: Стило, 2007. – 240 с.
7. Пирс Ч. Логические основания теории знаков / Пер. с англ. В.В. Кирющенко и М.В. Колопотина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 352 с.